

Андрей ЛЕВИНСОН

«Мистерия-буфф» Маяковского

Я принадлежу к тем, кого громкий неуспех «Мистерии-буфф» Маяковского не смог изумить нимало. Задумано это «героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи» в масштабе головокружительно грандиозном, в древнем, но неувядаемом духе аттической комедии. В подобных формах огромной пародии воплощал Аристофан — в «Лисистрате» или в «Облаках» — стихийную прихоть афинских масс. И похожестью сценария оправдывает отчасти название пьесы — мистерия. Однако насмешливая величавость замысла подкошена внутренними немощами выполнения. Автор же уподобляется массивному ярмарочному борцу с громадой выпяченных мышц и слабым сердцем.

Самое притязание футуризма — стать официальным искусством очнувшихся масс — представляется мне насильственным. Поистине — это брак поневоле, и не сдержат усмешки, когда всегдашние рыцари реклам карабкаются на ростру народных трибунов. Вчера они мечтали вернуться к допетровской Руси, сегодня славословят солнечную коммуны. Сегодня футуризм хотел бы прослыть эстетикой мира; давно ли родоначальник его Мари-нетти торжествовал в своей «Битве при Триполи» бой и его звучную красоту? Нет, футуристы не ведут, а сами влекутся за моментом. Им надобно угодить новому хозяину, оттого они так грубы и запальчивы. Какой народный поэт выведет Толстого для заушения или станет говорить о себе хвастливыми гиперболами Капитана итальянской комедии? Народный гений в своем торжестве великодушен и целомудрен; он обрел бы слова ликующего пафоса и пренебрег бы часами рифмованного зубоскальства. Что сказать о гулкой и красочной словесной массе, образующей текст мистерии, о громких и полых, как барабаны, стихах? То, что мы слышали, — сплошная и часто курьезная игра в «буриме» — поднятие начала строк к искусственным, редкостным или впрямь невозможным рифмам. И ранее поэты забавлялись на досуге эти-

ми поэтическими головоломками. Так, З. Гиппиус и Валерий Брюсов соперничали в подыскании несуществующей рифмы для слова «истина». Но кому бы на ум пришло строить храм из пестрых бирюлек.

Правда, там, где автор сам произносил свои стихи, фактура их казалась внушительнее, ритм покорял слух. Каждая короткая, тяжкая строка будила длительный резонанс, словно пуля, ударившаяся в стену. И пока звучал мелодический и мощный голос — акустическое очарование не расточалось. Лилась музыка слова, но ни одно чувство не было донесено до зала. Сквозь рупор трагической маски зияла душевная пустота. Поэтическое призвание Маяковского — дар формальный, и никакой гений мистификации не в силах подделать отсутствующего духа. И что же? Трубное мычание поэтического быка не очаровало публики-Пасифаи. «Наша эпоха» не пожелала узнать себя в «изображении» Маяковского, а именинник-народ и не вздумал взглянуть на отражение свое в этом кривом зеркале.

Что и говорить, немало было в этом спектакле интересного, — но лишь для нас, старых завсегдатаев столичных премьер, бражников художественных кабачков, скитальцев по вернисажам; сочная грубость нечаянных каламбуров, щелчки по вчерашним святыням, быть может, и щекотали бы утомленный ум. Но народной душе пристала сегодня лишь очищающая красота трагедии или радостный смех. Что толку для него в интеллигентской издевке над интеллигенцией, когда для него доступны отныне «Эдип», «Лир» или «Проделки Скапена»? Подавляющее чувство ненужности, вымученности совершающегося на сцене еще усугублялось исполнением. Как невозможно было по костюмам отличить хотя бы каменщика от трубочиста, так нельзя было узнать немца или француза по интонациям и осанке. В лирических местах режиссеры (автор и В. Э. Мейерхольд) применили хоровую читку, что, как известно из многократного опыта, неизменно приводит к неудаче. Такие приемы, как выход актера на сцену через зрительный зал, удручают банальностью мнимой новизны. Все же некоторые из лицедеев запомнились: Желкевич (Прачка), Новгородцев (Купчина), отчасти Шадурский (Батрак), протагонист мистерии. Декорации были писаны Малевичем; очень живописен сводчатый «Ад», багровый и зеленый; зато невразумителен и уныл явленный им лик «Обетованной земли», города радостного труда; веселы в «Раю» пестрые пузыри облаков.

